

ЮНЫЕ ГОСТИ В ДРЕВНЕМ КРЕМЛЕ

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

— Расскажите нам о Царь-пушке, вы же специалист...

К Р О К О Д И Л

№ 2 (1364) МОСКВА 20 ЯНВАРЯ 1954 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXII

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

Степан ОЛЕЙНИК

От Дубовки до Сосновки

От Дубовки до Сосновки
Километров тридцать пять.
Взад-вперёд, в «командировки»
Ловкачу не привыкать

Разъезжать!

То в один конец несётся,
То в другой летит стрелой...
Так у нас давно ведётся:
Ездит летом и зимой
Наш герой.

Спросят: «По какой причине
Так езда ему мила,
Что гоняет он в машине
От села и до села?»

Есть дела!

У него жена в Сосновке,
Дом с терраскою резной...
А в колхозе он, в Дубовке,
Председатель. Но какой?
«Привозной!»

Кто же к нам завёз такого?
Не шути — районный сват!
На собрание взял он слово:
«...Ваш колхоз теперь богат:
Вот вам клад!»

Возражали мы, да где там...
Сват такой тут лоск навёл!
Взял своим авторитетом.
Как народ наш ни был зол,
«Клад» прошёл.

Мы к нему с того же часа
(Незнаком с селом он был)
Прикрепили деда Власа,
Чтобы данный старожил
С ним ходил.

А когда с селом немножко
Ознакомился наш «пред»,
То избрал себе дорожку
Не в поля, не к фермам — нет,
А в буфет.

Жил бы «пред» наш тихо, гладко.
Вдруг жена даёт отбой:
«Что я, вдовушка, солдатка?
Ты смотри мне, голубя мой!..
Марш домой!»

Взяв мучицы из кладовки,
Председатель юркнул в «газ»,
И пошли «командировки»:
Утром — к нам, в обед — от нас...
Вот те раз!

Доставляет «клад» машина
И к родне и от родни;
Не одна протёрлась шина...
А шофёру, знай, гони
Трудодни!..

Позвонят к жене, в Сосновку,
Говорит жена всерьёз:
«Отбыл муж в командировку...
То есть как «куда»? В колхоз
Ваня свёз!»

Обратятся к нам, в Дубовку:
«Где он?» «Выехал». «Куда?»
«Да опять в командировку,
К благоверной, как всегда.
Чехарда!..

Тянет «преда» подставного
Кверху сватов рука.
Нам же пользы от такого
Всё равно, что от быка
Молока!

Нам бы снять его, да слабы:
Сват упёрся... Ну, беда!
Вот супруга, та «сняла» бы
Без особого труда
Навсегда!

Ждём: когда же из Дубовки
Жёнка мужа заберёт?!
А пока... «командировки»
Комбинатор этот ловкий
Совершает круглый год
Взад-вперёд.

С украинского перевёл
Валентин КОРЧАГИН.

ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

Разговор с редактором

Главный редактор Сельхозгиза Г. А. Крылов принял нас весьма радушно:

— Интересуетесь учебной литературой для села? Чего беспокоиться? С авторами заключены договоры. Рукописи поступают. Скоро появятся в продаже новые книги. Вы ищите тему для фельетона? Вот напишите о Книготорге. Сами торговать не умеют, а пугают, что у них скопилось на 64 миллиона рублей неходовой сельскохозяйственной литературы. А сколько там книг нашего издательства — умалчивают. Пока же суд да дело, снижают нам тиражи. Замечательная тема для фельетона! Не правда ли? Сам собирался об этом написать. Но руки не доходят...

Мы поблагодарили Г. А. Крылова за отличную тему. И решили выяснить, только ли до этого не доходят руки у товарищей из Сельхозгиза.

Разговоры с книгопродавцами

Зимой 1952 года слушателям агротехнических курсов понадобился учебник по овощеводству. Продавцы книжных магазинов, приветливые и вежливые, приглашали заглянуть через месяц — другой... Но курсантам некогда было ждать:

— У нас уже начались занятия! Сами знаете, всякому овощу — своё время.

Но что спрашивать с продавцов, если издательство подписало этот учебник к печати только поздней осенью — 25 октября, а на село он попал, когда там растаял снег, побежали ручьи и на курсах закончились занятия?

А с учебником по организации животноводства получилась, как говорят огородники, совсем другая петрушка.

Зимой 1952 года слушателям зоотехнических курсов в книжных магазинах говорили:

— Предложить не можем. Нет такой книги. Зимой 1953 года те же продавцы объясняли: — Есть такая книга, да предложить не можем: устарела на корню.

Зато как менялись в лице продавцы, когда у них спрашивали учебники по колхозному счетоводству! Всегда такие выдержанные, они отвечали неохотно и нелюбезно:

— Нет... и неизвестно...

Опять-таки, что спрашивать с продавцов, если пособие по счетоводству вышло в последний раз пять лет назад? Сельхозгиз аккуратно включал выпуск этой книги в свои тематические планы и аккуратно не издавал; она так и засохла в этих планах... Книгу предполагают издать в 1954 году. Главный редактор Г. А. Крылов нас заверил, что теперь всё будет в порядке:

— Рукопись получена. Редактируется.

Правда, когда мы тактично попросили уточнить некоторые данные, главный редактор, к великому своему смущению, уточнил, что рукописи в издательстве нет.

О спокойной жизни

В прошлом году Сельхозгиз издал книгу о передовом колхозе имени Ленина, Курганинского района, на Кубани. Вскоре представители издательства прибыли в колхоз.

— Мы хотели бы услышать отзывы читателей о книге.

— О какой именно? — удивились колхозники.

— Что значит о какой? — в свою очередь ещё больше удивились сельхозгизовцы. — Недавно вышла! О вашем колхозе!

— Впервые слышим, — чистосердечно признались колхозники.

Но самое поразительное произошло позже: десятки экземпляров книги, о которой шла речь, давно лежали никем не замеченные в местном сельмаге.

— Почему загодя не оповестили о выходе книги? Неужели это было так сложно?

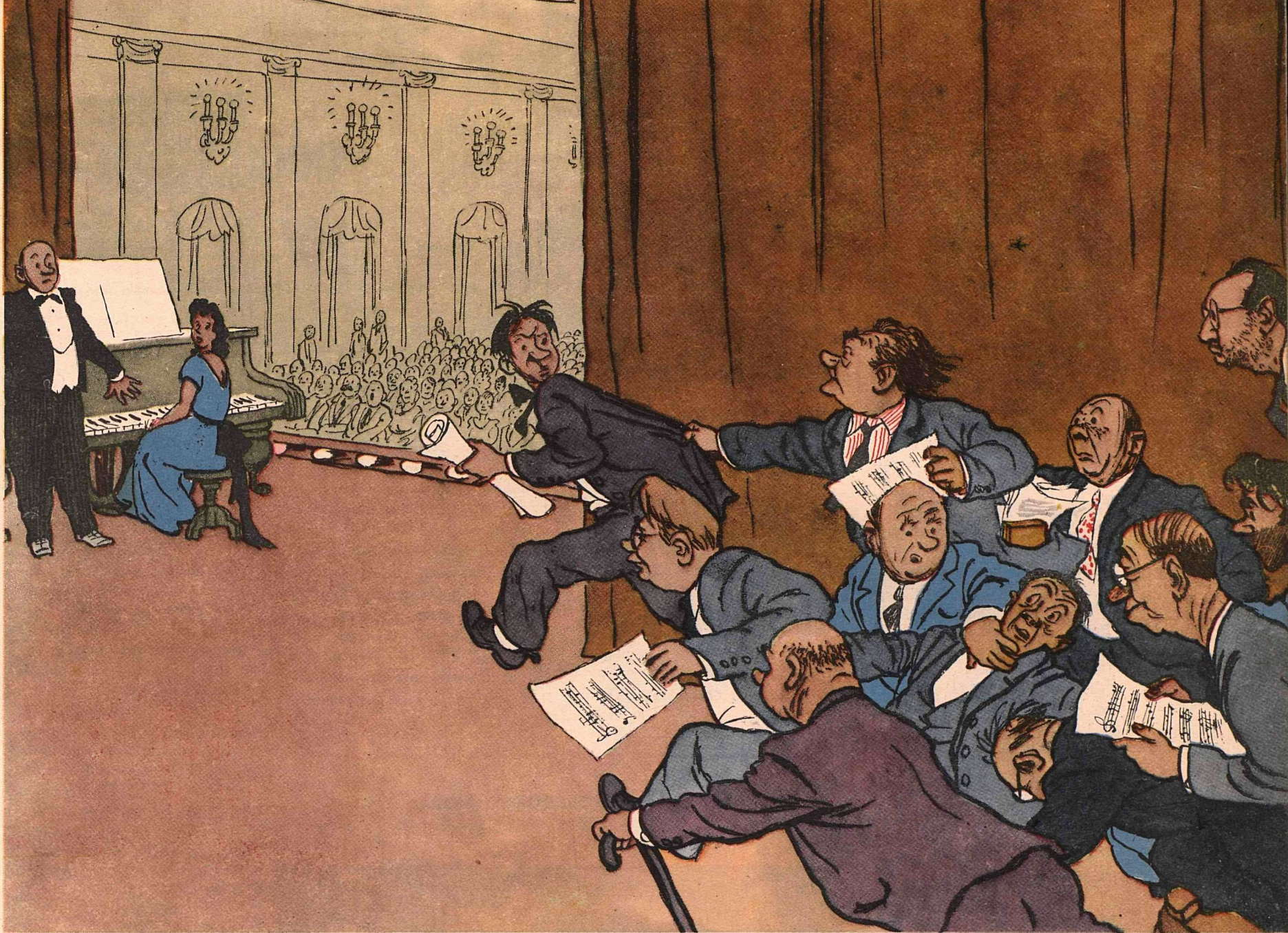

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

На седьмом пленуме Союза композиторов отмечалось, что массовые песни грешат однообразием.

— АВТОРА!.. АВТОРА!..

— Обождите, товарищи, сначала давайте разберёмся, чью песню исполняли!..

Ничего сложного, конечно, тут нет. Но в Книготорге, должно быть, сочли подобное мероприятие для себя слишком мелким, учитывая их всесоюзный масштаб, а у Сельхозгиза до этого просто руки не дошли.

Извилист и долог путь книги от станции отправления, то есть от автора, до станции назначения — до читателя: ей то и дело приходится преодолевать коварные заторы и неожиданные пробки. Уже с первых шагов автору рукописи в издательстве предлагают совершить бег с препятствиями. Только для оформления договора требуется получить не больше и не меньше, как семь виз!

Вместо того, чтобы открыть будущей сельскохозяйственной книге «зелёную улицу», её, горемычную, отправляют на перекладных по неведомым и окольным тропам.

Получается довольно курьёзное положение. Представим себе: передовой колхоз в сжатые сроки посеял и в сжатые сроки убрал богатый урожай. Об опыте колхоза была написана книга. Но в какие сроки её отредактируют в Сельхозгизе, в какие сжатые сроки её наберут и когда, наконец, отпечатанная, она доберётся до читателя, — этого ведать никому не дано. Работа ведётся по кабинетно-гнездовому спосо-

бу. Попадёт иная рукопись в редакционное или полиграфическое гнездо, застрянет там, и, когда оттуда выберется, неизвестно.

Рукопись в пятнадцать листов вместо обычных пятидесяти дней кочует по издательству и типографии чуть ли не сто двадцать дней. А во многих типографиях, где печатается сельскохозяйственная литература, уместно было бы вывесить предупредительную надпись:

«Оставь надежду, всяк сюда входящий!»

И в самом деле, с молчаливого согласия производственного отдела издательства рукописи в типографии застревают больше чем на двести дней. Долго? Зато спокойно...

Недаром редколлегия стенгазеты «Сельхозгизовец» решила выпустить специальный номер о любителях спокойной жизни. Недостатка в материалах для этого номера, надо полагать, редколлегия испытывать не будет.

О пользе автотранспорта

Некоторых работников издательства из состояния безмятежного покоя может вывести только календарь. (Не сельхозгизовский, что систематически запаздывает на два—три месяца!) Посмотрели бы вы, какой лихорадочной

суетой и горячкой охвачены коридоры издательства, стоит лишь на календаре появиться неизбежному декабрю!

О завидной оперативности Сельхозгиза во второй половине декабря можно судить... по шофёрским путёвкам. В эти штурмовые дни мобилизуется весь наличный автотранспорт, вплоть до персональной машины директора. Машины мчатся на предельной скорости, точно на пожар, и развозят на склады Книготорга первые экземпляры новых книг. Заветные расписки, помеченные 31 декабря, получены, и обрадованные работники издательства воздают хвалу всемогущей «двойной» бухгалтерии:

— Тираж открыт!

Это значит, книга будет считаться изданной ещё в текущем году! А когда попадёт на место весь тираж? Кто его знает...

...Пришла ещё одна зима. Не обычная, особенная. И старые колхозные кадры и новое подкрепление, только что пришедшее из города, — все сели за парты. Им бы и книги в руки. Но...

Жаль, что у Сельхозгиза ещё до многого руки не доходят.

Е. ВЕСЕНИН

Встреча в пути

(К постановке драмы В. Маяковского «Баня» в Московском театре сатиры)

Годы-кадры мелькают,
проносятся...
Это,
Светясь и покачиваясь слегка,
Машина времени —
фантазия поэта —
Мчится
в будущие века.
Стоп!
Остановка!
Малая Бронная...
Театр сатиры...
Аплодисменты и смех...
Это сегодня,
в спектакль претворённая,
Пьеса-сатира
взбудоражила всех.
Это
на сцене театра московского
Поставлена «БАНЯ»
В. Маяковского.
Мы смотрим,
и будто в минувшие годы
Обратно машина чудесная
мчится.
Костюмы давно уже вышли из
моды,
Но лица...
Какие знакомые лица!
Привет, Велосипедкин!
Привет, Чудаков!
Не сделали годы из вас
стариков!
Попрежнему,
неугомонных и стойких,
Встречаем мы вас
на полях и на стройках.
Всё лучше,
стремительней из году в год
Спорится дело у вас под руками.
Вы медлить не любите,
рвётесь вперёд,
Недаром прозвали вас
скоростниками.
Мы видим вас,
юных, горячих, живых,
И тех,
что всегда вам мешали,
вредили.
На сцене давно мы не видели их,
Но в жизни
со сцены
они не сходили.
Гражданин Победоносиков!
Сколько зим, сколько лет!
А нас уверяли, что вас уже нет!
Вы не затерялись
среди мрака и темени,
Не ушли окончательно
в царство теней,
Вы,
изловчившись,
в машине времени
Зайцем
до наших
доехали дней!

Живёте,
даже не переменяв оперения,
Солнечный день
омрачаете наш,
Другие возглавили
учреждения,
Но тот же разводите в них
ералаш.
Вы где-то тут шепчете в зале:
«Не спорю я,
Всё это, конечно, забавно,
смешно...
Ну, «Баня»... Ну, да...
Но ведь это — история,
Таких Победоносиковых
нету давно!»
«Конечно, их нет! —
соглашается быстренько
Рядом сидящий
гражданин Оптимистенко.—

Теперь ведь другое совсем
поведенье,
Другой совершенно и стиль и
размах.
Ну вот хоть бы наше возьмём
учрежденье,
Которое в ваших надёжных
руках...»
Гражданин Оптимистенко!
Вот уж не ждали
Увидеть вас сразу
на сцене и в зале!
Пополнили,
брюшко отрастили и стаж,
Но так же склоняетесь
у директорской двери...
Действует, значит, подхалимаж?
Всё ещё, значит, помогает
карьеру?
Вот уж почти четверть века
прошло,

Забывалась и спуталась
лиц мешанина,
Но как выразительно ваше
мурло
Приспособленца
и мещанина!

На сцене живые портреты, как
в раме:
Ханжа,
подхалим,
краснобай,
ротозей...
И зритель,
смеясь,
аплодирует драме,
Которую чуть ли не сдали в
музей.
Иван Иванович!
Скажите, не вы ли
Почти четверть века
повсюду твердили,
Что «Баню» поставить нельзя,
что она,
Хотя и была, может быть,
сатирична,
Совсем не сценична,
и формалистична,
И... словом,
уже никому не нужна?
А вы, Бельведонский?
И вы уцелели?
Во «Всекохудожнике» вы иль в
артели?
Какою халтурой вы заняты
новой?

ПОТОМОК ПОБЕДОНОСИКОВА

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— С лёгким паром!

Не вы ль,
собирая улов,
Оформили мебель
в рабочей столовой
Во вкусе различных «Луэв»?
А здравницу
в древнеегипетском стиле
Недавно хотели построить не
вы ли?
Не вы ли на днях
отхватили аванс
За детские ясли
а ля Ренессанс?
Мадам Мезальянсова!
Вы ещё живы,
И слухи о том, что вы отжили,
лживы!
Вы модно причёсаны,
вся вы в нейлоне,
Совсем без стыда,
без бровей,
Опять за чужими мужьями в
погоне,
За их кошельками, верней...

Машина времени
продолжает полёт!
Станция отправления — наше
время.
В пути она сбросит с себя
и сметёт
Плесени,
шлака
и накипи бремя.

ПОЧТИ ПО НАСРЕДДИНУ

В АТЕЛЬЕ

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

Ещё отцами сказано: не знать — не стыдно, стыдно не знать и не расспросить. Каюсь, дорогие сограждане, я и понятия не имел, что такое самообложение. Пришлось расспрашивать. Поэтому представьте мою радость, когда я встретил тётушку Бахар и её почтенного мужа дядюшку Гасана, что живут в селении Сойюдлу, Кедабекского района, расположенного у подножия отдалённых гор.

— Дорогие мои,— сказал я,— вы сельские жители. Вы должны знать, что такое самообложение, как оно возникает и что из него получается!

Дядюшка Гасан ухмыльнулся, посмотрел на тётушку Бахар и начал:

— Не знаю, как в других районах, но в нашем оно возникает примерно так. Встречается, скажем, почтенный председатель Кедабекского райисполкома товарищ Расулов с председателем Сойюдлинского сельсовета товарищем Мамедовым. И говорит старший председатель младшему:

«Товарищ Мамедов, что-то уж мне очень хочется заняться сбором добровольного обложения! Как ты на это смотришь?»

«Не спрашивайте! У меня тоже душа горит и рвётся к этому делу!»

«Сколько же ты думаешь собрать с сойудлинцев?»

«Так, тысяч десять!»

«Что ж, отлично! С завтрашнего дня начни обход.»

«А под каким соусом мы будем собирать?»

«А зачем соус?»

«Э-э, не говорите! Каждое кушание должно иметь свой соус. Без соуса пища в рот нейдёт, а деньги — в руки.»

«Ну, скажи им, что будем рыть канал!»

«Не поверят.»

«Почему?»

«В прошлом году говорили.»

«Тогда скажи, что собираем на нужды села. Какие появятся нужды, на то и потратим!»

Дядюшка Гасан умолк, а тётушка Бахар одобрительно закивала головой.

— А что дальше? — спросил я. — Деньги собрали и на что их израсходовали?

— На этот вопрос я ответить не берусь,— сказал дядюшка Гасан.— На такой вопрос не мог бы ответить и сам аллах, если бы он только продолжал проживать на своём высоком небе.

Я попрощался с добрыми людьми.

Не знать — не стыдно, стыдно не знать и не расспросить. Вот почему я не поленился и поехал к подножию тех далёких гор, где расположен Кедабекский район.

В райисполкоме я задал тот же вопрос: что такое самообложение, как его собирают и что из него получается?

И очень знающий местные порядки, законы и правила человек мне ответил:

— Самообложение — это когда население само облагает. А возникает оно, по моему, так. Вот, скажем, сидят дядюшка Гасан и его жена тётушка Бахар у себя дома в селении Сойюдлу и ужинают. Вдруг дядюшка говорит тётушке:

«Знаешь, жёнушка, весь вечер я думаю о нашем осле.»

«Думай лучше о себе», — отвечает тётушка.

«Так оно и получается. Думая об осле, я думаю и о себе. Сберегая осли, я сохраняю себя: если, неровён час, он свалится с нашего горе-моста, вместе с ним полечу в воду и я.»

«Ты решил строить мост?»

«Нет, будем это делать всем селением. Мы построим мост и баню!»

И спустя несколько дней дядюшка Гасан и его односельчане понесли деньги в сельсовет...

— А что дальше? — спросил я. — Деньги собрали — на что их израсходовали?

— На этот вопрос вам не ответит даже сам председатель райисполкома товарищ Расулов. Потому что легче собрать деньги, чем с толком их истратить.

Не знать — не стыдно, стыдно не знать и

— Шили по мерке, а пальто оказалось коротким!..
— Так ведь мерку-то снимали в прошлом году...

не расспросить. И поехал я обратно в Баку и пришёл к старому приятелю — весьма почтенному человеку — и сказал:

— Ты умудрён опытом, знаниями, жизнью. Будь добр, объясни мне, что такое самообложение, как оно возникает и что из него получается.

И почтенный человек ответил:

— Сын мой, самообложение должно возникать так. Надумали, скажем, жители села Сойюдлу построить баню. Собрались они на общее собрание, обсудили, постановили и внесли деньги, каждый по своим возможностям. Получил сельсовет денежки и начал строить. И глядишь, не прошло и полугода, как жители селения уже моются в новой бане, приговаривая:

«Благословен тот час, когда в наши головы пришла счастливая мысль о самообложении!»

— Понятно, — ответил я. — Но жители Сойюдлу три года подряд вносят деньги, а сельсовет им даже шаек не купил!

— Только ли в Сойюдлу, мой сын! В Кедабекском районе собрали пятьсот семьдесят тысяч рублей и нигде ни одного кирпича не положили!

— Неужели лежит без движения полмиллиона рублей и никто в районе этого не замечает?

— Что в районе! В республике лежит больше пятнадцати миллионов рублей, и никто пальцем не шевельнёт! А чего только не построишь на пятнадцать миллионов! И новые клубы, мосты, дороги, кинотеатры — всего не перечтёшь! Нет, как там ни толкуй, а самообложение — великое дело!

— Позволь, но ты сам говоришь, что никто и пальцем не шевельнёт, чтобы израсходовать эти деньги!

— Это точно!

— Тогда объясни, почтенный человек: зачем собирать деньги, если их не тратить на полезные дела?

Почтенный человек улыбнулся и сказал:

— Придётся вспомнить моллу Насреддина, который покупал яйца по рублю десятком и продавал по рублю. «Почему ты так делаешь?» — спросили его. — Это невыгодно! «Зато люди видят», — отвечал он, — что я занят делом!» Когда собираешь деньги, сын мой, начальству может показаться, что ты занят делом.

После этого ответа мне всё стало ясно.

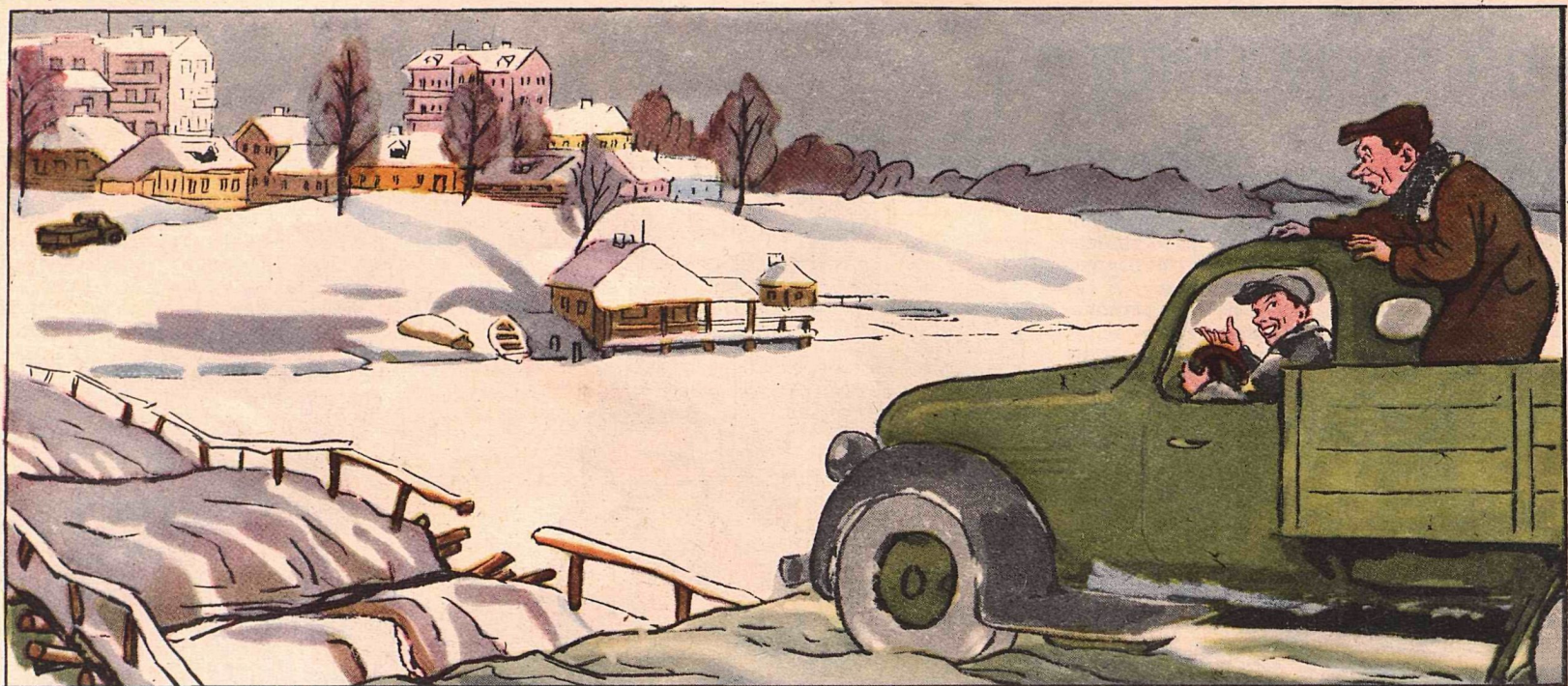
Видите, правы были наши отцы, когда говорили: чтобы знать, надо расспросить!

Авез САДЫК.

Перевод с азербайджанского.

г. Баку.

— Летом наш мост на честном слове держался.
— А теперь как?
— На льду держится!..

ГОНЧАРЫ В НЕМИЛОСТИ

Недавно я побывал в Историческом музее. Возле стеклянного шкафа с изделиями всемирно известных скопинских гончаров толпился народ. Изумление так ясно было написано на каждом лице, что я остановился послушать разговоры.

— Подумать только: простая глина! А искусные руки слепили, навели глазурь, обожгли — и какая красота засияла!

— Ты посмотри: вот это фантазия! Фамилий мастеров нет?

— Как же, есть: Максимов, Ташеев, Пелёнкин...

— В историю вошли. В Скопине их, наверное, на руках носят!

Я вспомнил, что в недавно вышедшей книге А. Б. Салтыкова «Русская керамика» с восторгом говорится об изделиях скопинских мастеров:

«Ничего равного этим произведениям русского народного искусства мы не видим среди скульптурных посудных изделий других народов».

Почему же скопинские изделия не продаются в ГУМе, в магазинах Художественного фонда и промкооперации? Почему нет декоративных скопинских ваз в садах и парках?

Здесь была какая-то тайна. И я решил съездить на родину народных скульпторов, в город Скопин, Рязанской области, своими глазами посмотреть, как украшают кувшины Михаил Иванович Ташеев и Михаил Михайлович Пелёнкин.

Вот и домик с вывеской: «Правление артели «Керамик».

— Можно полюбоваться на вашу продукцию, а потом и дать заказец?

Кассирша оторвалась от бездумного созерцания кватанционной книжки и спросила:

— Какой размер? Бюст или полный рост? Что вы на меня так смотрите? Я же не свят дух и не знаю, как вы надумали сниматься!

— Почему сниматься? — оторопел я.

— Потому что это фотография.

— Простите, а где же основное производство артели «Керамик»?

— Через дорогу. Дом 41.

Едва я вошёл туда, шесть парикмахеров, сидевших у печки, дружно, как по команде, обернулись:

— Побрить, постричь?

— Час от часу не легче! Я ищу ваше главное производство.

— По этой же улице, дом 93.

Через пять минут я уже был там. Фасад украшала вывеска: «Красильня». Посредине большой комнаты стоял дымящийся чан. В нём две женщины красили сизые одеяла.

— Нашим производством интересуетесь? — раздался чей-то голос.

Я обернулся. Рядом стоял точильщик.

— Интересуюсь! Но только почему оно ваше?

— А потому, что я из артели «Керамик». Было время, мы и часы чинили, да бросили: винтиков не хватает.

Я спросил напрямик:

— А гончары есть в артели, или от них осталось одно название?

Точильщик загадочно улыбнулся:

— Во-время приехали. Ещё найдутся гончары. До угла дойдёте и на Песочной улице спросите Пелёнкина.

Я вздохнул с облегчением: наконец-то!

Однако глиняных медвежат и зайцев, обычно украшающих скопинские изделия, я возле М. М. Пелёнкина не обнаружил. Мастер сидел в маленькой, прокопчённой клетушке, построенной прадедом-кустарём, и... лепил горшки. Да простят меня застенчивые читатели, но искусный мастер изготовлял малоэстетические детские сосуды ночного обихода.

Повидал я и Михаила Ивановича Ташеева. Он уже не работает: болен. Однако скопинский райсобес не позаботился даже о пенсии тому, чьи произведения красуются в крупнейших музеях Москвы и Ленинграда.

Несколько лет назад в артельную колесницу впрягли и фотографов и парикмахеров, присоединили к ним красильщика, точильщика и часовщика. Сюда же в «кучу малу» свалили гончаров. А затем, презрев то, что умели делать скульпторы, заставили их лепить только пудовые блюда, шершавые «махотки» для молока, ночные горшки и почти железобетонные кружки.

Техноруком артели стал специалист по... химической чистке одежды. Отправившись на заре своей керамической деятельности в Москву реализовать гончарную художественную продукцию, он захватил с собой технический брак, сдал его... тресту зелёного строительства и, потерпев убытки, решил, что артели

нет расчёта заниматься художественными изделиями.

Во главе артели была поставлена Е. Ф. Власова. Но она быстро сменила керамико-парикмахерское поприще на занятие, более близкое её хозяйственному сердцу: ушла заведовать кафе-столовой. На смену кулинару появился юрист М. В. Быков. Его прислали, исходя из известного теоретического положения, что не боги горшки обжигают. В гончарном деле и искусстве он действительно понимал столько же, сколько канарейка в высшей математике.

Когда гончары просили обеспечить их хорошей «петрушинской» глиной, председатель обвинил их в... консерватизме и велел подвозить самую плохую глину — «сухарку», благо за ней ближе ездить и легче её брать.

Из рязанского облмногопромсоюза доносит сюда только один крик:

— Жми на план!

И председатель жмёт. Мастера налепили столько «махоток», кружек и горшков, что забили ими весь склад. Там скопилось этой продукции на сто тысяч рублей. Теперь все гадают: удастся их когда-нибудь продать или нет?

Ежегодно на отчётных собраниях артели семь уцелевших гончаров — последние могикане из бывших некогда полутора сотен — молят, просят, требуют создать условия для работы и прежде всего построить мастерскую. Но ни в Скопине, ни в Рязани никто и пальцем не пошевелил.

Теперь скопинские гончары мастерят печные трубы, а председатель рязанского многопромсоюза С. Н. Басалаев грозитя вообще начисто уничтожить гончарное производство.

Даже председатель Скопинского райисполкома тов. Чернов не проявил заботы о славе родного города. В позапрошлом году он осчастливил своим посещением артель «Керамик», но цель у высокого гостя была самая прозаическая: ему всего-навсего нужно было сфотографироваться для удостоверения!

Придётся, видно, вместо затейливых гончарных изделий выставлять в музеях фотографии тех деятелей, которые упрямо не желают помогать скопинским умельцам.

Это тоже в своём роде экспонаты.

Юр. АРБАТ

г. Скопин, Рязанской области.

В кафе-закусочной № 1 Горпищеторга, больше известной под названием «забегаловка», было полным-полно народу. В спёртом воздухе витал запах всех блюд, указанных в меню, начиная от щей из квашеной капусты и кончая жареными оладьями. То за одним, то за другим столом раздавался звон стаканов и слышался возглас:

— Ну, будем здоровы!..

Открылась входная дверь. Вслед за клубами седого морозного пара в закускую вошли заместитель председателя Заболотского колхоза Колобков и агроном Пименов. Они поискали глазами свободный столик и, не найдя такового, сели возле окна на два незанятых стула. Пименов сразу же погрузился в чтение подслеповатого меню, а Колобков, потирая озябшие руки, стал смотреть по сторонам. Дальше обычного его взгляд задержался на молодом, краснощёком буфетчике, работавшем с проворством, которому позавидовал бы опытный фокусник. Особенно буфетчику удавался разлив водки. Двумя пальцами он брал мензурку, вскидывал её на уровень глаз, моментально наливал в неё водку и так же быстро переливал в стакан.

— Артист! — с восхищением сказал Колобков и даже прищёлкнул пальцами. — Настоящий артист!

— Где артист? Какой артист? — не отрываясь от чтения, спросил Пименов.

— Вон, за буфетом, — кивнул Колобков. — Ух, как лихо водку отмеряет! И будто бы я его где-то видел!

— Здесь, небось, и видел, в этом самом заведении.

— Нет. Тут я года два не был... Пстой, пстой! Да это же никак Филия Чекин! Филипп Никитич... Ей богу, он!

Пименов оторвал глаза от меню и тоже посмотрел на буфетчика.

— Неужели это Филия? — удивлённо спросил он. — Тот, который за рекой жил?

— Ну да! Покойной тётки Агафьи сын. Он мне племянником доводится... Ах, чтоб его воробы заклевали! Ведь он же на зоотехника учился. Ты тогда на агронома пошёл, а он на зоотехника. Я сам оформляла ваши документы. Тогда он был такой щупленький, худенький. А теперь, смотри, как отъелся, покраснел, словно помидор на солнце! От щёк можно прикуривать. Ах, чтоб ему!.. Смотри, как шустро управляет... Ну, сейчас я с ним поговорю! Я ему покажу, как отлынивать от колхозной работы. Я его на всю область ославлю...

Колобков положил на стул шапку и голлицы, а сам заспешил к буфетчику. Но его обогнала проворная официантка.

— Филипп Никитич! — крикнула она с полдороги. — Три раза по сто пятьдесят и графин пива!

— П-жалте! — небрежно ответил буфетчик, вскидывая мензурку. — Им какой, с белой головкой или обыкновенной?

Пока буфетчик выполнял заказ, Колобков стоял в сторонке и смотрел на расставленные в остеклённой витрине закуски. И лишь после того, как официантка унесла водку и пиво, он подошёл к стойке.

— Мы обслуживаем только через официантов, — не глядя, буркнул буфетчик. — Пршу, пжалста, за столик!

— Товарищ Чекин! Филипп Никитич! А нельзя ли обслужить без бюрократизма? — смеясь, спросил Колобков. — Для земляков-то, пожалуй, можно сделать.

Филипп Никитич поднял голову, посмотрел на Колобкова и от неожиданности едва не выронил четверть с водкой.

— Ба... батюшки! — заикаясь и ещё больше краснея, проговорил он. — Дядя Вася... Василий Васильевич? Какими судьбами? Сколько зим, сколько лет! Здравствуйте! Здравствуйте, мой дорогой! Как ваше здоровье? Как тётя Алёна поживает?

Иван КОСТЮКОВ

— Ничего, поменьше, — кивнул Колобков. — Живёт, хлеб с салом жуёт, квасом запивает. Ты, что ж, выходит, целовальником заделался?

— Каким таким целовальником? — переспросил буфетчик.

— Ну, этим самым... как его... — Жестом руки Колобков показал на графины. — Так, Филипп Никитич, издавна называли людей, которые водкой торговали. В старину, видишь ли, был, говорят, такой порядок: таких вот людей, как, скажем, ты, заставляли целовать крест, чтоб, значит, пьющих не охмурали, водку водой не разбавляли и всякое такое прочее. А не то, так кнутом стегали.

— Оно, конечно, при феодализме всё могло быть, — согласился Филипп Никитич. — Только ведь теперь-то совсем другие времена. Нешто, скажем, меня с каким-то феодальным целовальником можно равнять? Я же всё же... Я же, как-никак, учился, у меня, можно сказать, законченное образование, диплом имею. И вообще, дорогой мой дядя Вася... Да, дядя Вася, дорогой, что же вы стоите? Садитесь, пожалуйста, за столик. Вас сейчас же обслужат. В один момент... Стеша! Степанида Савельевна! Обслужи, пожалуйста, клиента... то есть товарища...

— Я не один, — как бы между прочим сказал Колобков. — Тут и наш агроном Егор Иванович Пименов.

— Как? Егор Иванович агрономом работает? Батюшки! Да как же я вас сразу не приметил? А?... Стеша! Сколько раз тебе надо говорить? Вот ведь народец-то! Охрипнешь, пока дозовёшься...

Минут через пять, когда проворная Стеша записала «заказ» и отправилась на кухню, Колобков, покачивая головой, сказал Пименову:

— Ну и ну! Настоящие чудеса в решете. Мы бедствуем без зоотехника, а он, наш уважаемый специалист, водку отмеряет, говоря по-старому, целовальником определялся. Ни стыда у человека, ни совести. Тьфу!

— Надо будет поговорить с ним, — предложил Пименов. — Может быть, одумается.

— Вот и я говорю про то же, — подхватил Колобков. — Отсюда его обязательно надо вырвать. Пусть работает по специальности! Впрочем, после обеда я им займусь. Я с ним крепко потолкую.

Чтоб потолковать с буфетчиком, Колобкову не пришлось ждать конца обеда. Улучив свободную минуту, Филипп Никитич оставил свои графины, мензурки, стаканы и сам подсел к землякам.

— Ну, как там у нас в Заболотье? — спросил он, поглядывая то на Пименова, то на Колобкова. — До меня дошёл слухок, что вы богатеете, большое строительство ведёте?

— Уже, можно считать, построились, — ответил Пименов. — На расказовском выгоне такие фермы возвели, любо-милост!

— Молодцы! — похвалил Филипп Никитич. — Значит, со скотом теперь всё в порядке?

— А вот этого как раз и нельзя сказать. До полного порядка пока ещё далеко. Зоотехника, хозяина, нет.

— Неужели нету? — Филипп Никитич сделал попытку расширить заплавленные глазки, но сумел только собрать морщины на лбу. — Это уж действительно никуда не годится. Зоотехник вам обязательно нужен. Иначе вы хлебнёте горюшка.

— Вот и мы про то же говорим: бедствуем без зоотехника, — сказал Колобков. — На замороженном практике выезжаем. Помнишь старика Илью Евсеевича? Пришлось его представить к животноводству.

— Так он же коновал! — заметил Филипп Никитич. — С его образованием вы никогда не поднимете животноводство. Тут нужны люди образованные. А что может сделать Илья? Решительно ничего! Коновал, он и останется коновалом...

Говорил Филипп Никитич складно, убедительно, с вдохновением человека, который знает, о чём он говорит. В его словах то и дело слышались выражения: «Тут нужен передовой опыт!», «Без науки далеко не уйдёшь».

— И я, как земляк, советую вам, — горячился Филипп Никитич, — берите зоотехника, не мешкайте!

— Что же тут мешкать! — согласился Колобков. — Завтра к вечеру снарядим сани, подошлём сюда, и, как говорят старики, с богом в путь-дорогу.

— На санях, пожалуй, холодно будет, — высказал сомнение Филипп Никитич и даже поёжился. — Морозы-то вон какие лютые!

— Ничего! — успокоил Колобков. — Мы побольше сена навалом, тулуп дадим, валенки. Доедешь за моё почтение! Ты только скорей передавай свою целовальню. Ну её к шутам! Передавай скорей!

— Пойдите, дядя Вася, — Филипп Никитич откинулся назад и удивлённо посмотрел на Колобкова. — Вы это про кого говорите-то?

— Конечно, про тебя. Сдавай всё это хозяйство — и крышка! А сани завтра будут.

— Извиняюсь, Василий Васильевич! И Егор Иванович тоже! Тут произошло какое-то недоразумение. Я никуда поехать не могу. Ведь я же материально ответственное лицо... Я...

Теперь уже Колобков непонимающе посмотрел на буфетчика.

— Позволь, Филипп Никитич! — оторопело сказал он. — Ты говорил, чтоб мы не мешкали? Говорил, а?

— Я и сейчас говорю, что без зоотехника вам никак нельзя. Как специалист, говорю вам это.

— А сам, значит, в буфетчиках желаешь быть?

— Видите ли, всякому своё, — уклончиво ответил буфетчик. — Здесь я освоился с работой, получил некоторый опыт, обеспечен и...

Что ещё хотел сказать Филипп Никитич, ни Колобков, ни Пименов не услышали. До их ушей донёсся визгливый голос официантки:

— Филипп Никитич! Два раза по сто пятьдесят и две кружки пива!

А когда Колобков и Пименов собирались уходить, к ним подбежал Филипп Никитич.

— Товарищи! Земляки! — затараторил он. — Я ещё подумаю. С женой посоветуюсь. Вот кончится зима, потеплеет, может, я и подъеду. Только скажите, какие там у вас условия?

— Для зоотехника у нас условия есть, только они не для твоей чести! — сказал Колобков и помачал пальцем перед носом опешившего племянника. — Мы вот тут подумали и решили: без тебя обойдёмся. Другого найдём. Так что желаем здравствовать! Остерегайся недоливов. Прощай!..

Через минуту после ухода земляков Филипп Никитич как ни в чём не бывало стоял за стойкой и говорил какому-то «клиенту»:

— Мы обслуживаем только через официантов. Пршу, пжалста, за стол. Там подадут и сто пятьдесят и кружку пива...

Рисунок Ю. ГАНФА.

Комиссия Маккарти по обследованию школ в штате Индиана потребовала запретить сказку Перро «Красная шапочка», как «угрожающую безопасности США».

АМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ СКАЗКИ О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

ВОЛК: — Опередили!

ЕВРОПА ИЛИ АЗИЯ?

Руководитель американского концерна, субсидирующего несколько издательств и журналов, был в отвратительном настроении. Он приказал вызвать редактора самого крупного из своих периодических изданий и сердито спросил его:

— Долго ли будет продолжаться ваше пренебрежение к Европе? Нас там ненавидят. А вас, как видно, интересует только жёлтая Азия. Запомните раз и навсегда: мы должны сохранить Европу!

— Слушаюсь, сэр! — ответил редактор и побежал принимать срочные меры для сохранения Европы.

В этот же день руководитель другого концерна не менее раздражённо говорил другому редактору:

— До каких пор вы будете писать об этой паршивой Европе и молчать об Азии? В Азии нас ненавидят. Знайте: надо спасти для нас Азию...

— Сию минуту, — растерянно пробормотал редактор, всей своей почтительно изогнувшейся фигурой показывая, что он готов немедленно спасти Азию.

Кого же спасти в первую очередь? Этот вопрос не сходит с повестки дня в реакционных кругах США. Американские джентльмены, которые имеют «особые интересы» в Западной Европе, уверяют, что надо в первую очередь спасти (от суверенитета!) страны

этой части мира. Те же, кто с вождением смотрит на богатства Азии, призывают немедленно спасти именно этот континент.

Так началась яростная журнальная битва. Сторонники европейской и азиатской ориентаций не жалели крепких слов, стремясь посрамить противников.

— Эй, вы, олухи! И кого вы только спасаете? Европу надо спасать, а вы возитесь с какой-то там Азией! — кричали одни.

— От олухов и слышим! — бодро отвечали находчивые оппоненты. — Только слабоумные могут нянчиться с Европой, когда нужно, не медля ни секунды, спасать Азию!..

О том, каких высот красноречия достигли участники этой увлекательной дискуссии, пишет в журнале «Нью-Йорк таймс мэгэзин» Хэнсон Болдуин. В проблемной статье «Что важнее: Европа или Азия?» он приводит весьма энергичные высказывания представителей обеих группировок: и европейской и азиатской. Например, сторонник принципа «Европа прежде всего» Роберт Страус-Хьюе пишет:

«Сохранение западного сообщества, а следовательно, и оборона Европы являются главными из всех обязательств Соединённых Штатов в международной политике. Если не этим решением определяется американская внешняя политика, тогда поистине в

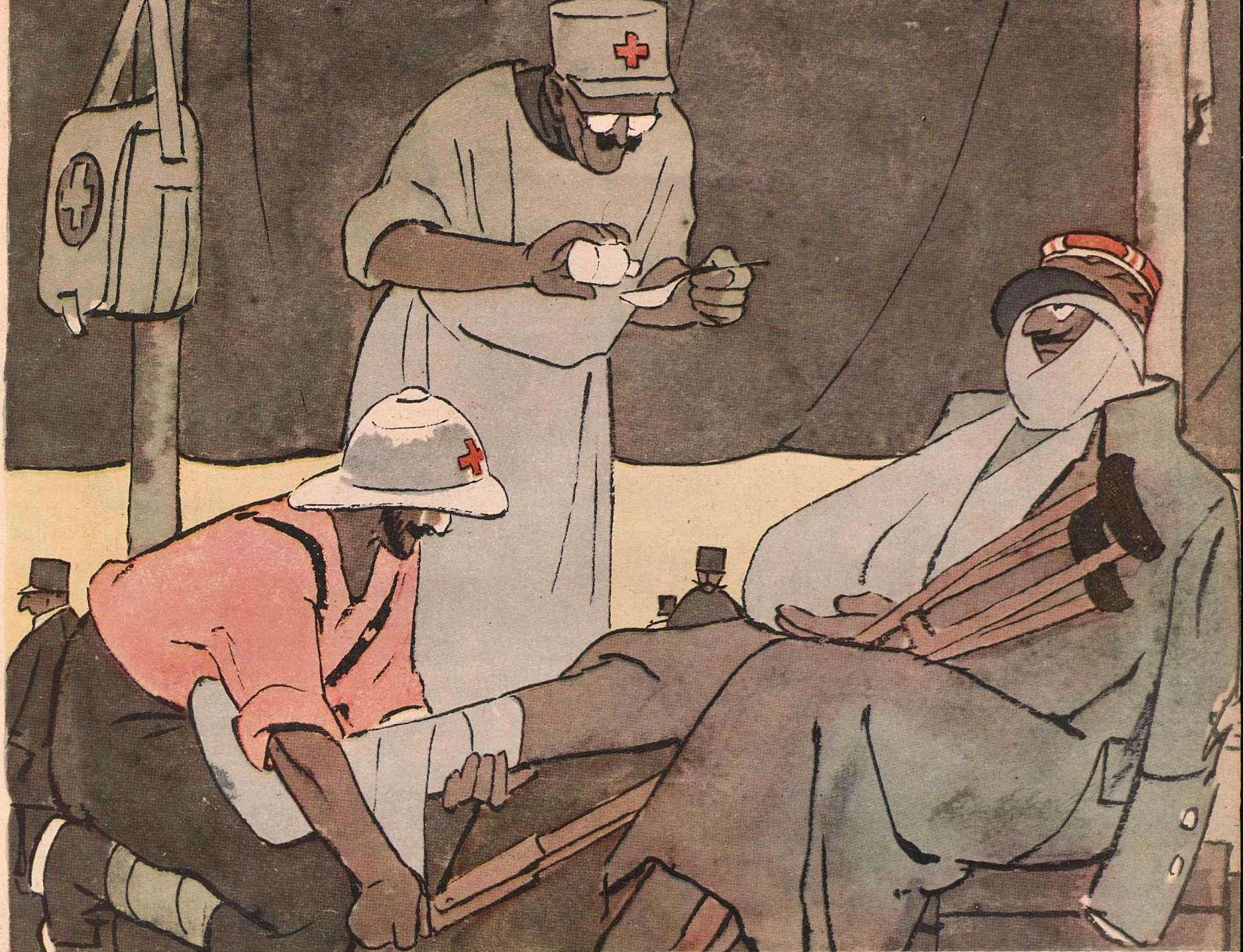

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА.

Чтобы сгладить впечатление от своих неудач во Вьетнаме, французское командование пытается представить каждое очередное отступление как «накапливание сил для нового удара».

«Накапливание» сил.

ней не больше смысла, чем в детской сказке, рассказанной идиотом».

Хэнсон Болдуин, однако, даёт понять, что и в одной только ориентации на Европу отнюдь не больше смысла, чем в сказке, рассказанной этим джентльменом, вряд ли способным решать сложные международные проблемы.

А посему Болдуин предлагает третий вариант:

— И Европа и Азия!

Болдуин — военный обозреватель, он рассуждает по-военному. Он не собирается миндальничать, говорит корявым и жёстким языком казармы. С грубой прямолинейностью фельдфебеля, не привыкшего к дипломатическим реверансам и экивокам, он объясняет, почему, собственно, вашингтонские стратеги воспылали любовью и к Европе и к Азии. Уж очень, оказывается, удобный плацдарм для войны представляют собой обе эти части света!

«Азия, — пишет Болдуин, — это континент нынешних горячих войн; Европа — континент холодной войны». Впрочем, Болдуин не теряет надежды на то, что и в Европе холодную войну усилиями американских полководцев можно превратить наконец в горячую. Болдуин всё подсчитал: и содержимое карманов европейцев и азиатов и количество пушечного мяса в Европе и Азии. Он уже взял на учёт и «машины Европы» и «живую силу Азии». Если Европа «обладает наступательными способностями», то Азия — «колоссальной рождаемостью» и «ресурсами». Болдуин, таким образом, не скрывает и главного: всё это требуется его хозяевам для агрессивной войны.

Затем военный обозреватель переходит к своим возлюбленным базам.

«Из всех имеющихся за границей баз, — пишет Болдуин, — базы на Британских островах, в Исландии, в Европе, в Северной Африке и на Среднем Востоке являются самыми важными, поскольку они ближе расположены к жизненно важным объектам России... Средиземное море на юге и Арктика на севере обеспечивают морские фланговые подступы к сердцу России...»

Вот почему Болдуин возмущён спором «Европа или Азия?». Он принадлежит к числу тех оголтелых проповедников мирового господства США, которые хотят слотнуть самую большую порцию — всю планету, и ни граммом меньше.

Увлечшись критикой сторонников европейской и азиатской ориентаций, Болдуин позабыл о главном: а как быть со всё нарастающей ненавистью к американским поджигателям войны, ненавистью, которая полыхает и в Европе и в Азии, разгорается и в Африке и на Среднем Востоке, — словом, всюду, куда ступает нога американского завоевателя? Нет, никто не хочет спасаться! И европейцы и азиаты заявляют всё более и более настойчиво:

— Пожалуйста, не спасайте нас! Мы спасёмся сами, причём именно от вас, господа янки!

Собираются ли болдуины спасти Европу, или Азию, или всю Вселенную, — в любом варианте агрессивной политики столько же смысла, сколько, по словам Страуса-Хюпе, «в детской сказке, рассказанной идиотом».

Юр. ЧАПЛЫГИН

В чужом доме

Сумрачный, промозглый день. Дождь и туман. Нищие на улицах просят медяки на рождественскую булку больному ребёнку. Над Рингом — одной из центральных улиц Вены — вспыхивает и гаснет рекламный призыв: «До наступления Нового года посмотрите сенсационный фильм «Сотворение мира».

Мы пошли в кинотеатр «Гартенбау» посмотреть эту киносенсацию. Очень трудно рассказать содержание фильма, как трудно пересказать бред горячечного больного. В общем так: астроном предупреждает миллиардера о предстоящем конце мира. Тот срочно строит стратоплан, отбирает несколько десятков породистых американцев и американок, и в момент, когда мир гибнет, когда уже рушатся нью-йоркские небоскрёбы, стратоплан взлетает. Полёт и затем посадка на снежной равнине неизвестной планеты. Миллиардер ведёт своих пассажиров на вершину горы, и отсюда им открывается великолепный вид тропического рая. Миллиардер говорит: «О'кэй! Отныне здесь будут Соединённые Штаты Америки!»

В зале кинотеатра раздались смех и аплодисменты. Вспыхнул свет, мы оглянулись по сторонам, — да, венцы аплодировали и смеялись. Признаться, мы недоумевали: неужели им нравится эта бредовая картина? Впрочем, в этой неожиданной реакции зрительного зала мы скоро разобрались. И вот как это произошло.

На бойкой торговой улице Кернтнерштрассе хозяева магазинов днём осветили витрины и зажгли неоновые вывески. В туманной мгле качаются пятна света — синие, жёлтые, красные. Но взойди сейчас хоть само солнце, цены на товары от этого не станут ниже. И, не глядя на витрины, венцы торопливо идут мимо магазинов.

Вывеска: «Всё для владельцев автомобилей!» А под вывеской витрина в метр шириной; через витрину виден магазин — тесная комнатуха; за прилавком, подперев щеку рукой, сидит хозяин.

Нет, нет! Этот магазин никак не был похож на залитые голубым светом магазины-дворцы американских фирм, расположенные на главной улице Вены! Этот магазин принадлежал венцу, который, видимо, ещё верил в волшебный расцвет своей торговли, а пока быстро и верно разорялся. Но, как мы убедились позднее, он знал всё-таки, почему разорялся.

— Скажите, пожалуйста, у вас есть паста для полировки кузова? — спросили мы.

— Допустим, что есть. Дальше что? — не меняя позы, раздражённо буркнул хозяин.

— Нам нужна паста.

— Мало ли что людям надо! — усмехнулся хозяин.

— Мы хотим купить.

— Купить? — удивился хозяин. — Тогда пасты нет.

— А где она есть?

— Не знаю. Спросите у американцев.

— Почему у американцев?

— А у кого же ещё? Разве не они сожрали всё, что нужно людям? И вы зря стараетесь показать, что не понимаете меня. Я же вижу: вы туристы, и притом чехи. Кто-то, а вы знаете, как выигрывает страна, из которой вышибают американских благотворителей с их непрошенной помощью!..

В эту минуту в лавку вошёл пожилой толстяк в потёртой кожаной куртке. Он приветствовал хозяина, как старого друга, поздравил его с приближением Нового года, спросил, как здоровье его домочадцев.

— Пока ещё живы и здоровы, — ответил хозяин лавки. — Но я не поручусь за их

здоровье, если янки похозяйничают в нашей Австрии ещё немного.

Толстяк оглянулся на нас.

— Не бойся, — сказал хозяин, — это чехи.

— Чехи? — Толстяк оживился. — Послушайте-ка, как это вам удалось выбросить американцев? Они ведь лезли к вам со своей помощью не меньше, чем к нам!

Мы ничего не успели ответить, потому что хозяин сорвался с места, выбежал на улицу, и уже оттуда доносился его голос:

— Прощу вас, сэр! Прощу! Лучшие покупки к Новому году! Прощу вас! — Хозяин буквально втащил в магазин американского офицера, — кажется, лейтенанта — и его даму. — Ведь каждый средний американец имеет машину. Вот, не хотите ли фару? Очень яркая фара! В самую тёмную ночь вы, сидя в машине, увидите венских нищих. Увидите проституток. Всё, что хотите.

Американец явно не знал, как себя вести: смеяться или возмущаться.

— Может, возьмёте вот этот насос? Правда, он без шланга. Но что значит шланг при нынешнем уровне американской техники? Ведь насос сильный, им и без шланга можно выкачать из Австрии последние соки. А? Берёте?

Тут уж американец понял, что происходит.

— Пока не поздно, — процедил он сквозь зубы, — заткни глотку, — и, подхватив свою даму, поспешно вышел из магазина.

Вслед ему летело:

— Ами, гоу хоум! Ами, гоу хоум!

Несколько минут хозяин справлялся с волнением. Толстяк в это время хохотал, хлопая себя по бокам. Потом хозяин обратился к нам:

— Значит, вам нужна паста? Нет пасты! Ни-че-го нет! И не будет, пока они здесь. — Он показал на дверь.

...Мы пошли дальше по той же бойкой торговой улице. Возле большого магазина нам преградил дорогу самый натуральный дед Мороз. Только выглядел он довольно печально: бутафорский наряд, обильно поливаемый дождём, висел на нём, как на огородном пугале, а промокшая ватная борода была серого цвета. Дед Мороз сунул нам по розовому листку и равнодушно сказал:

— Лучший подарок жене к рождеству и Новому году...

В следующую минуту он уже совал листки другим прохожим.

На розовом листке была напечатана реклама чулок из нейлона, перлона и ещё из чего-то.

Всё стало ясно: какой-то предприимчивый лавочник придумал использовать для рекламы деда Мороза. Мы решили поговорить с рекламным дедом и вернулись к нему.

Постепенно завязался разговор. А когда дед узнал, что мы советские журналисты, он боязливо оглянулся на витрины магазина своего хозяина и сказал:

— Приходите сюда к четырём часам: я освобожусь. Очень хочу поговорить с вами...

Мы пришли. Дед вышел из магазина уже не дедом, а худым парнем лет двадцати пяти в потёртом пальто. Если бы не голос, мы не узнали бы его.

Первый вопрос «деда» к нам был такой:

— Скажите, пожалуйста, неужели это верно, будто в Советском Союзе платят студентам за то, что они учатся?

— Да. Все, кто хорошо учится, получают государственную стипендию.

— Это почти невероятно! — «Дед» даже остановился. — Я ведь тоже студент.

— Студент?

— Да. Я на третьем курсе философского факультета Венского университета. Вот две недели поработаю дедом Морозом, будет чем заплатить за обучение. А летом снова поеду в деревню на заработки. Ведь осенью новый взнос за обучение.

— Окончив университет, надеетесь получить работу? — осторожно спросили мы, ибо знали, что в Вене тысячи безработных имеют высшее образование.

— Нет, не надеюсь! — твёрдо ответил «дед». — Впрочем, если говорить откровенно, немножко надеюсь. А вдруг к тому времени американцы уберутся из Австрии... — «Дед» засмеялся и добавил: — Я их сам очень прошу об этом. Когда приходит американец, я даю ему рекламу и говорю: «Ами, гоу хоум!» Ух, как они злятся! Один даже хотел меня ударить, но, откуда ни возьмись, между нами возник рослый венец. Американец поспешил ретироваться... Прямо не понять, как они могут тут жить, когда вокруг такая ненависть! Впрочем, что им! Был бы бизнес, а за это они готовы утирать слёзки со своей рожи. Шакалы, а не люди!

Мы прощались с «дедом» на мосту через канал. Над нами висела шумная стая чаек, ожидавших подачек.

— Все в Австрии просят подаяния, даже чайки, — грустно улыбнувшись, сказал «дед». — И если бы чайки обрели человеческий голос, они кричали бы с утра до вечера одно и то же: «Ами, гоу хоум!»

Мы возвращались в гостиницу.

— Так вот почему аплодировали в кино! — неожиданно воскликнул мой спутник. — Венцам нравится сама идея переселения янки на другую планету!

Портё гостиницы сидел на высоком стуле, разложив на конторке многостраничную газету. Над конторкой висела броская афиша, зазывавшая смотреть всё то же «Сотворение мира».

— Скажите, пожалуйста, — обратились мы к портё, — вы не знаете, этот фильм интересный? Стоит посмотреть?

Портё сбросил очки со лба на нос, пристально посмотрел на нас и сказал:

— Я не видел. Смотрела моя дочь и рассказывала. Стоит посмотреть. Там показан проект переезда американских миллиардеров на Марс. — Портё беззвучно засмеялся и добавил: — Но, говорят, Марс всё-таки близко. Лучше бы куда-нибудь дальше...

Портё подмигнул нам и снова засмеялся.

г. Вена.

ХОЗЯЙКИ ГОСТИНИЦЫ

Номера городских гостиниц зачастую заняты постоянными жильцами.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

— Подумаешь! День прожил и недоволен... Люди по два — три года живут и не жалуются...

ВИЛЫ В БОК

ШТУЧНЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ

Если, к примеру, сказать: «Получена большая партия молодых специалистов общим весом в полторы тонны...»; или: «В счёт поставок этого года отгружено десять кубометров выпускников такого-то института...», — то такое нелепое измерение изумит хоть кого. Абсолютно невозмутимым останется лишь заведующий сектором кадров Курганского облоно С. Панкратов, ибо сам он является автором следующего документа:

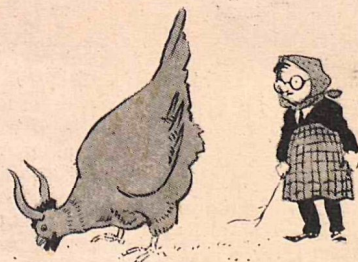
«Курганский ОБЛОНО направляет подтверждения прибытия на работу в Курганскую область выпускников вверенного Вам института в количестве 1 штук».

Вот так действительно штука!

РОГАТЫЕ ПЕРНАТЫЕ

Превращение животных одного вида в другой, например, мышей в лошадей, до сих пор было возможно только в сказках:

Однако газета «Асбестовский рабочий» (город Асбест, Свердловская область) совершает подобные чудеса в действительности и даже планирует их заранее. В номере этой газеты от 18 декабря прошлого года прямо так и пишется:

«В 1954 году количество поголовья крупного рогатого скота нужно довести до 760 голов, в том числе коров 400 голов, свиней 500 голов, кур 3 000 голов...»

...Будет построено для крупного рогатого скота два коровника... два свинарника... один птичник...»

Жаль, что редакция газеты не сообщила, будут ли крупнорогатые куры и свиньи доиться или их лучше применять в качестве тягловой силы.

промысловая» начал работать новый хлебобулочный цех...»

— Это у нас-то горячие булки и бублики?! — воскликнули изумлённые работники артели. — Да разве их испечёшь... из глины?

И право, трудно выпекать бублики там, где изготавливают гончарную посуду.

Зато исполняющая обязанности редактора тов. Петрова кроит программы радиопередач с таким искусством, что и бублики из глины для неё не диковинка.

ЗАКРОЙЩИКИ ИЗ ТОРЖКА

Успешно трудится артель «Многопромысловая» в г. Торжке (Калининская область). Это хорошо известно жителям города. Но работники артели не любят шуметь о своих успехах. И вот руководители местного радиоцентра решили восполнить досадный пробел в деятельности артели.

В конце прошлого года диктор бодро и весело объявил:

«Говорит Торжок! Передаём районные известия. В артели «Много-

С НОВОЙ РОЛЬЮ

Молодой актёр Саша Ермолаев как раз в канун 1954 года получил от режиссёра новую роль.

Идя по улице, он едва удерживал себя от желания тут же развернуть шелестящие листки и начать читать.

Вдруг кто-то окликнул его. Перед ним стоял Николай Воробьёв, старый дружок, с которым вместе когда-то бегали в школу в соседнее село, вместе играли в кружке самодеятельности, а потом поехали в Москву учиться: Николай — в машинострои-

тельный институт, Саша — в театральное училище. Воробьёв окончил институт и уехал на уральский завод. И вот прошло два года, а Колька, всё такой же маленький, с остреньким носом и смешливыми голубыми глазами, стоит и снизу вверх лукаво щурится на рослого лохматого Сашку.

— Ты откуда, Николай?
— Проездом по делам. Возвращаюсь домой.
— Ну, пошли ко мне!

— Не могу. Через час поезд.
— Тогда давай вот в сквере посидим. Они смахнули снег со скамейки и сели.
— А здорово всё-таки! — сказал Коля, с гордостью оглядывая мощную фигуру друга, его открытое лицо, мягкую шляпу.
— Что здорово?
— Да вот ты... Играешь в театре... И такие роли! Помнишь, как ты мечтал?
— Н-да... — неопределённо промычал Саша.

— А знаешь, я ведь, можно сказать, имел честь... Видел тебя на сцене театра. Месяц тому назад, когда был в Москве.

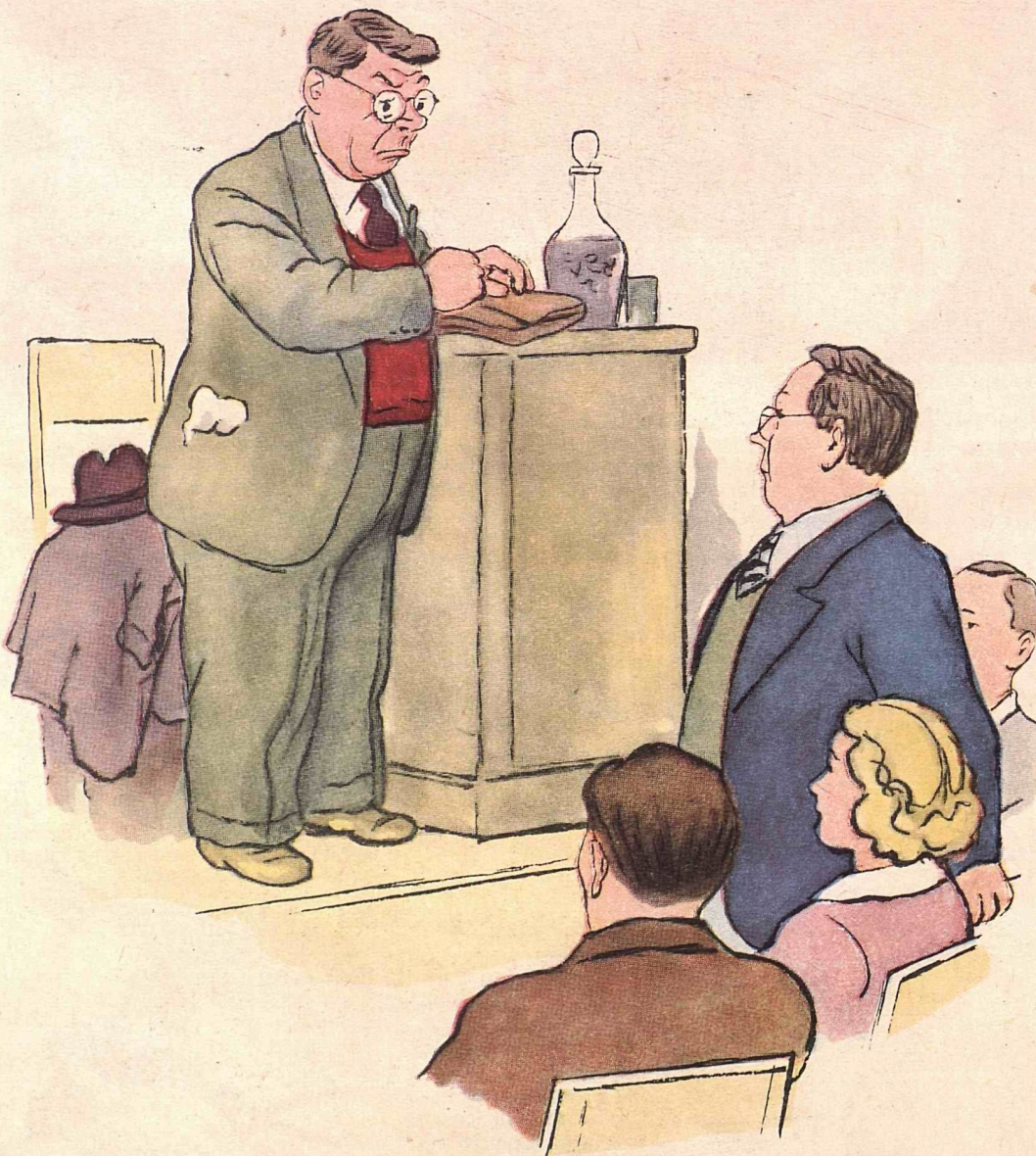
— Да ну? — громко удивился Саша. — Что же ты смотрел?

— А это... Ну... Вот вылетело сейчас название из головы. Ты играл этого... как его?... Ну, такой молодой, обаятельный, энергичный.

Саша задумался.
— Молодой? Энергичный?... Да все они, собственно... А что тебе понравилось? — осторожно спросил Саша.

— Всё! — горячо воскликнул Николай. — Всё! Рост, плечи, улыбка. Так всё-таки какая же это роль? Ну, ты ещё был влюблён

Рисунок Л. ГЕНЧА.

— Приведенные мною цитаты говорят сами за себя...
— Да, но вы ничего не сказали от себя...

в Нину... или в Наташу... И всё никак объяснить не мог.

— Все они не могут... Я ведь в театре, по милости режиссёров, играю только молодых, обаятельных героев... Нет, так не догадаешься. Надо идти от характерных деталей. Он в очках?

— Кажется.
— В двубортном костюме?
— Шут его знает! По-моему, в однобортном.

— Усики?
— Усики? Определённо были!
— Ладыгин, — уверенно сказал Саша и облегчённо вздохнул. — Если с усиками, и в однобортном, и в очках, — значит, Ладыгин. Ещё у него обезьяна.

— Нет, — решительно заявил Николай. — Обезьяны у него не было. Девушка была, а обезьяны не было.

— Но ведь это же Ладыгин из «Обыкновенного человека». — В волнении Саша сорвал шляпу и по-мальчишески взъерошил волосы.

— Ничего подобного! «Обыкновенного человека» мы ещё в кружке ставили. Помнишь? Ты дядю Митю играл, а я дворника.

— Ну, тогда уж и не знаю. — Саша погрузился в глубокую задумчивость.

— И как это из головы имя вылетело?... Такой положительный парень... В научном институте работает...

— Постой... В очках? С усиками? Может, это Дружинин из «Третьей молодости»? Так и есть, Дружинин! Хотел я его для разнообразия с бородой делать — не дали.

— Конечно, руководству виднее.
— Хорошо тебе смеяться, — упрекнул Саша. — А знаешь, какая это нечеловечески трудная задача — найти разнообразие, когда режиссёры из пьесы в пьесу дают роли одного и того же плана? Да, значит, ты меня в Дружинине видел. Ну и как?

— Я же говорю, очень хорошо играл. Чудесный парень, простой, искренний. Ну, совсем какой ты в жизни.

— А ловко придумано с велосипедом?

— С каким велосипедом?

— Ну, во второй картине режиссёр для оживления выпустил меня с велосипедом.

— Да что ты путаешь? Никакого велосипеда не было.

— Значит, не Дружинин, — вздохнул Саша и вытер лоб.

Они долго, тягостно молчали. Наконец у Ермолаева блеснула догадка.

— Слушай, он в конце говорит монолог?

— Говорит.

— Смотри, эта мизансцена? — Саша вскочил на скамейку и поднял правую руку.

— В точку! — с восторгом крикнул Николай. — Он!

— Ну, так это Черкашин! — радостно засмеялся Саша и спустился на землю. — Черкашин из «Яблоневого ветки»! Фу!..

— Хорош ты в этой роли! Плечи, рост... Красота! Девчонки на балконе хлопали — в ушах трещало. Ещё бы, герой!.. Ты что? Что смотришь?

— Постой, Коля, погоди... Это не Черкашин. Черкашин в гимнастёрке и в сапогах. И в шинели. А ты говоришь — однобортный.

— Н-да... Стало быть, не он.

Они сидели плечом к плечу и ожесточённо курили.

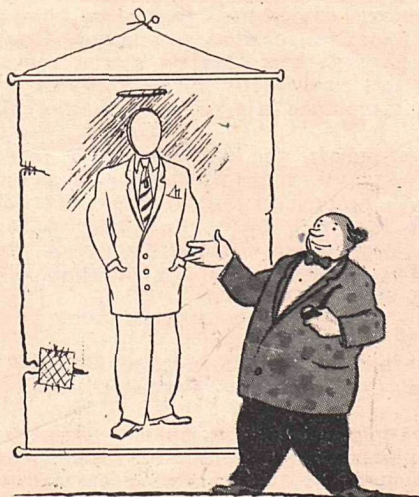
— Понимаешь, Колька, я иной раз сам забываю, что у меня из роли Ладыгина, что из Дружинина, что из других. Старею, что ли? — Саша с горькой иронией усмехнулся. — Я уж думаю, может, мне когонибудь хромым сделать? Черкашина, например, он же фронтовик, так что вполне органично, а? Или, может быть, ему шепелявить? А то поневоле путаются. — Он вздохнул и, помолчав, пожаловался: — Просил я главного режиссёра дать мне хоть раз сыграть какого-нибудь старика. А он и слушать не хочет. Неужели зазря, говорит, такой роскошной фактуре пропадать? Рост! Плечи! Улыбка! Одни зубы чего стоят! Неблагодарный, говорит, чего тебе ещё нужно?

Друзья оба сразу вздохнули.

— Эх, помнишь, когда я в театральной школе учился!.. — мечтательно произнёс Саша. — Хорошее времечко было!

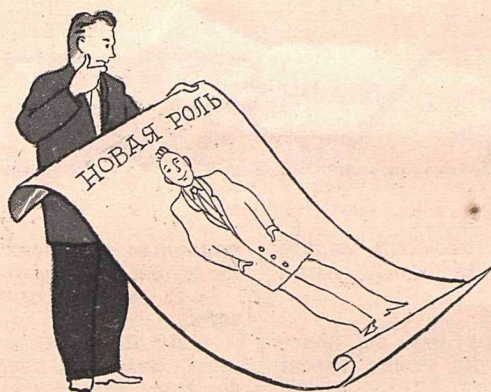
— Да!.. Я твоего Егора Булычова до сих пор помню. Как живой, перед глазами стоит.

— А Швандя? А Годун? А дядя Ваня? А Франц Моор в «Разбойниках»? Да, толь-

ко в училище и поиграл! Вот стукнет мне когда-нибудь пятьдесят, а чему меня театр научил? Играть только молодых, обаятельных... И, если хочешь знать, я сам себе нередко задаю вопрос: кто я? Молодой актёр или молодой натурщик?

— Ну, так поговори решительнее со своими режиссёрами. Должны же они понять!

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

— Да, ты прав. Всё никак не могу отвязаться от крепкий, откровенный разговор.

— «Откровенный разговор»! — неистово закричал Николай, так что прохожие стали оглядываться. — «Откровенный разговор»!

— Ты что?

— «Откровенный разговор» — пьеса же! Ты в ней играл. Понимаешь?

— Ты хочешь сказать, что видел меня в роли Свиридова? Ну да. И монолог, и усики, и однобортный... Позволь, но как же?.. Ведь ты говорил, что он влюблён в девушку, а там влюблён не я, а Карцев, тоже молодой, тоже обаятельный.

Приятель обалдело смотрели друг на друга.

Саша тяжело вздохнул и полез в боковой карман пальто.

— Вот новую роль дали. Опять, наверное, играть самого себя...

Явно желая утешить друга, Николай бодро напомнил:

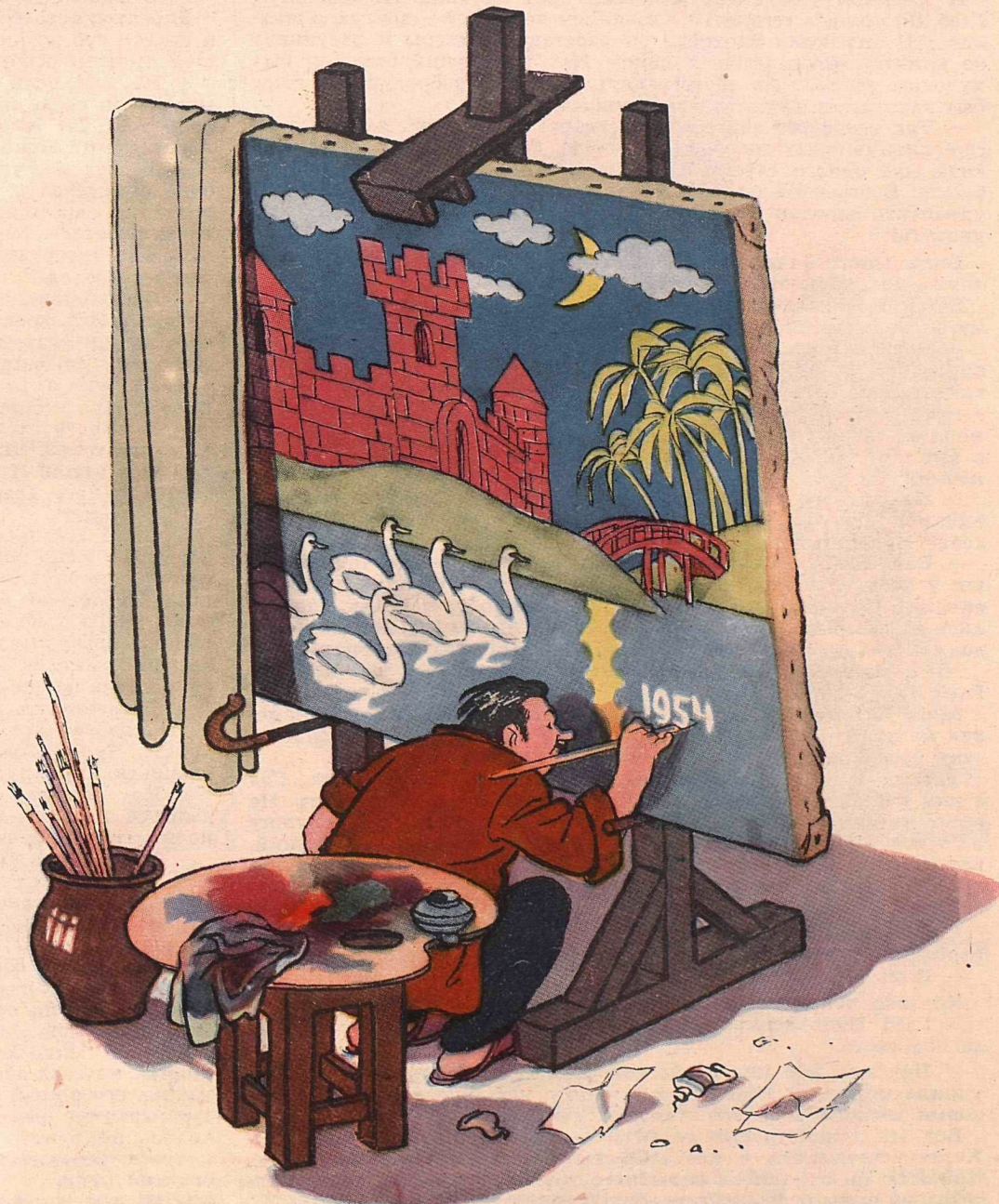
— А у тебя это очень удачно получается... Улыбка... Обаяние...

Саше почему-то вдруг вспомнились слова Суворова: «Сегодня удача, завтра удача, помилуй бог, а ум-то где?» И он спросил:

— Сегодня обаяние, завтра обаяние, помилуй бог, а где же искусство актёра?..

В. ПОТЕМКИНА,
Хрис. ХЕРСОНСКИЙ

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

— Поставлю-ка дату покрупнее, чтоб современность больше чувствовалась!

САМ!

Евгений Николаевич Рягузов пришёл домой усталый, сердитый. Глянув на его осунувшееся лицо, хозяйка дома, Анна Викторовна, сокрушённо всплеснула руками:

— На тебе будто воду возили!

Евгений Николаевич понял слова жены по-другому. Он покоился на свои мокрые плечи (стоял декабрь, а на улице ливня лил дождь!) и недовольно буркнул:

— Тебе всё шуточки!

— Пошутишь с тобой! Приходишь каждый раз темнее тучи, словно заезженный! Я уж забыла, какая у тебя в молодости улыбка-то была.

— Ну вот славно! Улыбочку ей подавай! Может быть, прикажешь впредь пуститься? Тра-та-та, тру-ля-ля?! — возмутился Евгений Николаевич. — Вот она, бабья логика! По-твоему, я с прогулки прихожу?

Осыпая с пальто и шляпы сверкающие бисеринки дождя, Евгений Николаевич разделся и прошёл в комнаты походкой человека, который поработал нечеловечески много и самоотверженно, но не получил достойной оценки своих трудов. Анна Викторовна молча последовала за ним: лучше молчать, скорее отойдёт хозяин, помягче станет. Невысокого роста, поджарый, как говорят, не слишком видный, Евгений Николаевич, однако, держался так, точно был одним из китов, поддерживающих землю. Нрава он был петушистого, и дородная Анна Викторовна, случалось, робела перед супругом.

В гостиной уже сидел младший брат Евгения Николаевича, Глеб. Он пришёл «сгонять» с хозяином партийку — другую в шахматы. В ожидании партнёра он расставил фигуры и разучивал по книжке дебют четырёх коней. Как и старший брат, он был худощав, но высок и отчасти неуклюж; в его добродушных голубых глазах всегда светилась усмешка.

— Так вот и все считают: директору завода, мол, делать нечего, — кивнув брату головой, продолжал Евгений Николаевич. При виде ещё одного слушателя он заметно повысил голос. — Голубушка! Побывала бы ты на моём месте, так узнала бы, что значит управлять заводом! Это не пирожки с ливером печь, смею тебя уверить!

Гость многозначительно переглянулся с Анной Викторовной: опять, мол, на любимого конька сел наш директор!

Евгений Николаевич сменил чёрный пиджак на светлую пижаму, но лицо его нисколько не просветлело и речи не стали веселее.

— Ведь только ступил за ворота — и, как чёрт в колесе, закрутился. Да что там чёрт! У чертей плана нет, а тут висит грузик, дай бог всякому! Волю разве только под силу. И всё одному тянуть приходится... Всё на одной шее висит. А она у меня не такая уж толстая... — Тут Евгений Николаевич заглянул в зеркало, как бы призывая его в свидетели: ведь не воловьёй шей-то!

— Как же это одному тянуть приходится? Сколько людей у тебя под началом... — не удержался, чтобы не возразить, Глеб Николаевич. Но этим он только подлил масла в огонь.

— Вот, вот! — закипятился старший брат. — Всегда так укоряют: у тебя сотни людей! А что в том толку? Смешно, ей богу, смешно! Полное заводоуправление инженеров, в цехах специалист на специалисте, а работать некому. Не-е-кому! Всё сам! Всё должен делать сам! Чуть ли не за метла приходится браться!

— «А я сам, а я сам!» — не без иронии пропел себе под нос Глеб Николаевич.

Анна Викторовна подала мужу чистое полотенце, явно намекая на то, что пора идти умыться и садиться за стол, но хозяин бросил полотенце на плечо и не сдвинулся с места.

— Возьми главного инженера, так сказать, правую руку... Год с ним работаю — и ни одного дела не решился ему доверить. Не везёт мне на главных! Тройх сменил — да и променял кукушку на ястреба. Препятствие хоть молчали, а этот из молодых, да ранний. Ерепенится: «Вы меня подменяете, вмешиваетесь в мои функции!» Радовался бы, желторотик, что можно прятаться за мою спину!..

Глеб Николаевич многозначительно кашлянул и нараспев проинтерес:

— Конь «бе один» — «це три»...

Хозяйка принялась со звоном расставлять на столе посуду.

— Глеб Николаевич, ты с какой стороны сядешь? — спросила она гостя.

— Нет, нет, обо мне не беспокойся, Анна Викторовна, я дома комплектовался! Разве потом чашку чаю употреблю... Скорее кофми хозяина, наверное, голоден, как волк.

Вся эта демонстрация не возымела ровно никакого действия. Хозяин продолжал с неослабевающим жаром изливаться душу. При этом он взмахивал порывисто тонкой рукой так, точно рассекал на фазы бесконечную ленту слов.

— Сосед мой, директор, например, знать не знает, какие там есть финансовые заботы, а всё у них на заводе в ажуре, и с прибавками они. У нас же с нашим бухгалтером чёрт знает что творится! Убытки, как снежный ком, растут. И ладно, я сам в фи-

нансовых вопросах стреляный воробей, ладно, всё сам решаю. Не то бы ещё было...

— С чем тебе сделать бутерброды? — любезно осведомилась хозяйка.

— А? Давай делай бутерброды!.. А начальник отдела снабжения?! Ведь это подлец из подлецов! С икрой! Не надо с сыром, да икры побольше клади... Я за него телефон обрываю, звоню по разным снабженческим базам, а он в это время с секретаршей ласы точит.

— А что же ему, если ты за него работаешь? — оторвавшись от доски, засмеялся Глеб Николаевич. — На шею сядет, только подставь...

Евгений Николаевич с секунду подозрительно смотрел на брата: поддакивает тот ему или возражает? Потом решил, что замечание это не в его пользу: Глеб — заноза, любит подковырнуть!

— Гнать таких надо с завода! — надал он жару. — И духу что-бы их не осталось!

— Всех разгонишь, с кем же тогда работать-то?

— Один останусь — и то легче будет. Ну, что ты бровями заиграл? Возьми вон моих начальников цехов... Инженеры, а посмотришь, ну, ни в зуб ногой! Так и норовят всё переложить на своих мастеров, а те лодырь на лодыре, лодырем погоняет.

— Все-то у тебя плохие да негодные, один ты...

Анна Викторовна отчаянно замахала руками из-за спины мужа: не трагай, бога ради, помолчи!

Глеб Николаевич спохватился, но было уже поздно.

Директор остолбенел. Брови у него неудержимо полезли вверх, а уголки губ потянулись вниз, придавая лицу выражение в высшей степени оскорблённого достоинства.

— Ну, бей, если замахнулся! — зловеще, упавшим голосом вымолвил он после некоторой паузы. — Что «один ты»?.. Один я хорош, так? Ты хочешь сказать, что, наоборот, все золото, один я негодный? Меня надо гнать с завода?

— Да нет же, что ты! — попытался исправить положение брат (ещё откажется в шахматы играть!). — Я хотел сказать... ну, не все же на заводе плохие работники, надо только дать им возможность работать... Одному-то как же? Будь ты хоть семи пядей во лбу, хоть троеруки, один не справишься. И доверять надо... где посоветоваться...

— Посоветоваться! Мудрых советчиков послушать вроде тебя! — Евгений Николаевич задохнулся от возмущения и больше ничего не мог сказать. Презрительно махнув полотенцем, он наконец ушёл умыться.

— Ну вот и разобидели человека! — покачала головой Анна Викторовна. — Что-то будет?..

— А ничего не будет, теперь хоть за ужин сядет! Он у нас с детства такой: «Я, я!» Всё ему хотелось верховодить, его слово — для всех закон! Ну, и частенько ребята утирали ему нос!.. И на заводе у него дела наверняка из-за этого не клеятся! План-то не выполняется!..

Евгений Николаевич, пустив из крана бурную струю, долго плескал в лицо водой, будто хотел охладить горящую от обиды голову, а вернувшись в комнату, сел за стол молча, не поднимая глаз. Несколько минут длилось тягостное молчание. Слышно было, как в окно снаружи хлестал дождь, а на кухне тоненько звенела крышка чайника: «Чай готов!» Но, когда Евгений Николаевич принялся за салат, кипевшее в нём возмущение вновь прорвалось наружу:

— Посоветоваться! Ха! Советуюсь вон со своими на дно три раза. Требуют коллегиальности: ум, дескать, хорошо, а двадцать лучше. Чуть! Только время ухлопаешь каждый раз да наслушаешься благоглупостей. Я просто и не слушаю эту болтовню.

— Не отставай, кушай позубастей, — воспользовалась передышкой хозяйка, — а я пойду наскоро яшпенку состряпаю. Конечно, ты предпочтёшь, как всегда, глазунью?

— Глазунью, — хмуро отозвался ещё не успокоившийся хозяин.

— Ну, сейчас, сейчас, одну минуточку...

Анна Викторовна уже готовилась вылить первое яйцо на кипящую сковороду, когда на кухню почти вбежал Евгений Николаевич.

— Подожди! — озабоченно крикнул он от двери. — Я сам! Ты не сумеешь, обязательно размажешь желтки по сковороде, а надо, чтобы они остались в рубашечках, глазками смотрели — в этом весь смак.

Евгений Николаевич решительно отеснил жену от плиты и принял на себя обязанности шеф-повара. Схватив одно яйцо, он ударил его о край сковороды. Но... случилось неожиданное. Удар с размаху не был рассчитан, яйцо сразу же развалилось и пролилось на плиту, мимо сковородки. Поднялся отчаянный шип и треск, запахло горелым, и новоявленный повар растерянно опустил руки.

— Ну вот, настряпал! — с досадой вскричала Анна Викторовна, втайне оскорблённая вмешательством мужа в её хозяйственные дела. — Всё сам, всё сам!.. И на заводе, поди, вот так же: что ни дело, то ляп! Только другим ходу не даёшь! Тоже мне, стреляный воробей!

Дорогой Крокодил!

Уважаемый Крокодил!

Помоги нам завести двигатель. Не то чтобы он у нас был норвистым, но вот с ноября прошлого года никак не заводится. Куда мы только не обращались за помощью: и во «Всесоюзную техническую контору по производству и реали-

зации запасных частей к строительным и дорожным машинам», и к заместителю начальника Главсельснаба Министерства сельского хозяйства СССР тов. Скичину, и в контору «Средазстроймеханизация»!

Ты, конечно, догадался, что мы просили у этих солидных организаций запасные части к двигателю, чтобы его завести, но они пока ничего, кроме бумажной волокиты, не завели.

Р. МИЛЛЕР,
председатель колхоза
«Земледелец».

Хобдинский район,
Актюбинской области.

Товарищ Крокодил!

У нас в Новосибирске в разгаре спортивная зима. Не забывают здесь и лёгкую атлетику, в основном — бег. Тренировку проходят широкие массы жителей, и ведётся она, цвы, регулярно...

Представьте себе обыкновенную автобусную остановку. Зима. Стоит длинная очередь. Ждёт полчаса. Наконец невдалеке показывается автобус. Завидев его, пассажиры в последний раз проверяют шнуровку обуви, состояние валенок, крепление бидонов, чемоданов, су-

мок: им предстоит серьёзное испытание. Когда машина, не сбавляя скорости, проходит мимо остановки, все устремляются вслед и начинается то, что именуется на спортивном языке гонкой за лидером.

Но через 200—300 метров «лидер» обязательно остановится: ему нужно высадить пассажиров, взятых на станции отправления.

И вот тут-то всё зависит от темпа бега «ведомых». Сумеют пробежать за считанные секунды 300 метров — их счастье, не сумеют — пусть пеняют на себя.

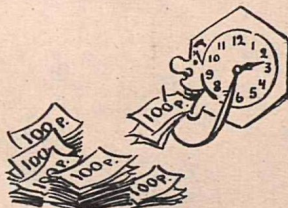
...Несутся по улицам Новосибирска автобусы, дружной стайкой бегут за ними пассажиры, уже начинающие обретать хорошую спортивную форму... Как видишь, товарищ Крокодил, спортивная зима в разгаре!

С. НЕНАШЕВ

г. Новосибирск.

Дорогой Крокодил!

С детства мы слышали поговорку: «Время — деньги», — но всю глупину её постигли совсем недавно. В цехах нашего комбината повесили электрочасы. Ну, думаем, время теперь у нас будет точное, секунда в секунду, недаром же за это нововведение заплачено 100 тысяч рублей!

Но, к сожалению, радость печатников оказалась преждевременной. Сначала часы шли вразнобой. Одни показывали три часа, другие — шесть, а третьи, глядишь, и к двенадцати приближались. Захотят — пойдут часы, захотят — остановятся, то прибавят шагу, то убавят...

Впрочем, год назад они окончательно остановились. Выручают теперь только случайно сохранившиеся старые пружинные часы. А дирекция со своей стороны аккуратно перечисляет конторе электрочасофикации по 6 тысяч рублей ежегодно в счёт наблюдения за... правильным ходом электрочасов.

Вот так, дорогой Крокодил, время идёт и приносит деньги... этой самой конторе электрочасофикации. А за что?

А. КУДРИН

г. Москва,
комбинат «Трёхгорная
мануфактура».

Как ни странно, но...

...в Краснозёрском районе, Новосибирской области, не так-то просто приобрести столовую ложку. Для этого надо предварительно купить... корову.

Иного выхода нет: руководители райпотребсоюза решили продавать столовые ложки только в обмен на молоко. Поистине, дорога ложка к обеду в этом районе!

○

...билеты, которые выдаются пассажирам автобуса на линии Южно-Сахалинск — Анива, достигают сверхрекордной длины. Ленточка из сорокакопеечных билетов на сумму 21 рубль имеет протяжённость — ни много, ни мало — 2 метра 15 сантиметров! Только за один рейс кондуктор должен «отмотать» с катушки более 100 метров билетов!

Эти «длиннометражные» билеты хороши тем, что они дают пассажирам наглядное представление не только о протяжённости пути, но и о неуместном расточительстве средств работниками южно-сахалинской автотранспортной конторы.

КТО О ЧЁМ...

Из-за отсутствия постоянных помещений систематически срываются занятия во многих школах рабочей молодёжи.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

— Как идут занятия?
— Успешно: занимаем последнюю комнату.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во „Правда“. Адрес ред.: Москва, 47, ул. „Правды“. 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва.

Изд. № 75.

Подписано к печати 12/1 1954 г.

Формат бум. 70 × 108/8.

1 бум. л. — 2,74 печ. л.

А 00707.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 61.

Тираж 400 000 экз.

Борьба за господство на мировом рынке между США и Великобританией всё более обостряется.

ДОЛЛАРОВЫЙ ВАЛ

